

Александр ТРУШИН

Мы находимся под самой широкой улицей в мире, которая называется Авенида 9 июля, — говорит мой гид Сильвина Туданка, по национальности баска, открывая дверь в сценографический цех, размерами напоминающий футбольное поле.

Вглубине несколько рабочих красят в темно-вишневый цвет огромный кусок ткани. Заведующий цехом Геральдо Пётра Пертоса поясняет, что эта ткань станет скоро декорацией — на сцене Колона готовится постановка "Аиды". Рядом, в соседнем цехе, рабочие вырезают из поролон большие головы сфинксов, они также станут участниками спектакля.

Чтобы попасть в эти цеха, необходимо спуститься на три этажа вниз от парадного подъезда театра, расположенного на улице Либертадо аргентинской столицы. Мы ходим по подземному городку, в котором есть свои пошивочные мастерские, парикмахерские и столовые, репетиционные залы и компьютерные. Над нами шумит центральный проспект Буэнос-Айреса — Авенида 9 июля, пронесаются тысячи машин и автобусов.

Я держу в руках книгу-путеводитель по Колону, где рассказывается все об истории его создания, репертуаре, мировых знаменитостях, выступавших на сцене театра. В предисловии, написанном известным аргентинским театральным критиком Артуро Беренгером Карисомо, читаю: "Колон является одним из самых главных аргентинских богатств. Это храм, место феерического действия, особых звуков, голосов... Его сцена хранит память о таких великих людях, как Карузо, Сторчио, Мусео, Весансонни, Шаляпин, Титта Руффо... Здесь блистала Плисецкая, демонстрируя свою удивительную пластичность, и совершал необыкновенные, поистине кошачьи прыжки Нуреев".

Колон уже давно приобрел мировую славу. Первое здание театра было построено в 1857 году, оно служило аргентинцам свыше 30 лет, при-

вивая любовь к опере и балету многим поколениям. В 1887 году национальный конгресс Аргентины издает закон, по которому старое здание продается Национальному банку республики за 950 000 песо, а городскому муниципалитету поручается построить новый театр, более просторный и современный, невиданный до той поры в Южной Америке. Через некоторое время проводятся торги на право сооружения "храма оперы и балета", и это событие вызвало восторг у всех аргентинских меломанов. В конкурсе участвовали многие местные предприниматели, но выиграла его трое: Камило Бонетти, Хосе Астикета и Анхель Феррари. Им и предстояло выбрать место закладки нового театра. Проектировщики остановились на квартале, где сходятся улицы Серрито, Тукуман и Виамонте. Именно здесь, напротив площади Лавальера, и был заложен 25 мая 1890 года первый камень — в день провозглашения независимости Аргентинской Республики. Здание нового театра собирались построить за 30 месяцев, но соорудили его 18 лет! За это время скончался первый архитектор Колона Франсиско Тамбурины, по проектам которого возведены многие комплексы в Буэнос-Айресе, в том числе самая красивая Майская улица. Его место занимает в 1904 году второй архитектор — Виктор Меано, который вскоре погибает от рук убийц. Закончил строительство Хулио Дормаль, бельгийский зодчий. Ему пришлось преодолеть немало трудностей. Одна из них — подземные воды. Особенно сложно было строить уходящие вниз под землю подсобные помещения, занимающие три этажа. Вода заполняла котлован, пробивалась в уже отстроенные помещения. Просачивающуюся воду и теперь можно увидеть, если спуститься в шахты лифтов. Конечно, те 20–30 сантиметров воды, что покрывают дно шахт, можно было бы откачать — здесь установлены мощные современные насосы. Но это-то никто не делает. В театре Колон благодаря слою воды под центральным залом самая лучшая в мире акустика, считают специалисты.

Театр Колон. От сапожной

Общий вид

Прежде чем спуститься в подземные помещения, я зашел в библиотеку, расположенную в фойе. В больших, старинной работы, книжных шкафах хранится история театра: программы, афиши, биографии композиторов, произведения которых исполнялись на этой сцене, оперные и балетные либретто. На русском языке — солидное, выпущенное в 1948 году издание, рассказывающее об истории Большого театра. Внушительный талмуд с портретами Ленина и Сталина на титульном листе. За давностью лет невозможно разобрать имя человека, подарившего это издание Колону. Я протягиваю служительнице библиотеки свой подарок — тоже книгу о Большом, но уже современную, с красочными фотографиями. А она показывает мне первую афишу театра. Осторожно беру пожелтевший от времени лист, на котором изображена маска трагика, внизу крупно выведено: "Колон, 1908 год. "Инаугурация" (открытие)". В тот майский день, когда театр впервые распахнул свои двери, на его сцене ставили "Травиату".

Этажом выше над сценографическим цехом находятся сапожная мастерская и большой склад с обувью. Аргентина традиционно славится своей обувью, и здесь в этом еще раз убеждаешься. 40 тысяч пар ак-

В зрительном зале

жемчугом и украшенные сверкающими камнями остроносые боярские сапоги. На стекле читаю табличку: "Обувь Бориса Годунова". Может быть, именно в этих сапогах здесь выступал Федор Шаляпин?..

Знаменитый русский певец пел в день открытия первого сезона в Колоне, но не Бориса Годунова, как считают некоторые, в том числе и театральные знатоки в Буэнос-Айресе, а Мефистофеля в "Фаусте". А Бориса Годунова Федор Иванович пел в 1930 году. Пел на русском языке, а хор — на итальянском. После спектакля критика не сдерживала своих восторгов.

В Колоне хранится афиша, выпущенная специально к первому сезону. Она возвещала о предстоящих премьерах, знакомила с узорами и певичками, которые должны были петь в первый сезон. Среди фотографий артистов находилась и Шаляпина — он значится в списке как "бас номер один".

У меня в руках хранящаяся в библиотеке газета тех лет, где

в разделе городской хроники сообщается о свадьбе Вацлава Нижинского и Ромолы де Пульска. Венчание состоялось в католическом соборе Буэнос-Айреса Сан-Мигель в сентябре 1912 года. Великому русскому танцовщику было тогда 23 года, а его невесте — 22. В тот год Нижинский впервые танцевал на сцене Колона вместе с непревзойденной Анной Павловой. Спустя пять лет этот премьер "Дягилевских балетов" вновь посетил Аргентину в составе знаменитой труппы. К ее выступлению была издана программка под названием "Великий сезон русского балета", также хранящаяся в библиотеке.

Аргентинским балетоманам предлагалась серия шедевров Фокина — от знаменитых "Сильфид" до новаторского "Фавна".

Историю Колона — знаменитого теперь театра — создавали выступавшие в нем великие артисты: Титта Руффо, Амелия Пинто, Энрико Карузо, Пласидо Доминго, Мария Каллас, Артуро Тосканини, именем которого ар-

В зрительном зале

мастерской до главной сцены

гентинцы называли улицу недалеко от театра. В этом списке почетное место занимают и представители России, потом Советского Союза и затем снова России: Шаляпин, Павлова, Нижинский, Тамара Карсавина, труппа Дягилева, всегда выступавшая здесь с огромным успехом. "Колон стал прекрасной рамкой для волшебного мира Дягилева", — так писали аргентинские газеты в 1912 году.

В театре дирижировал Игорь Стравинский. Ставили "Евгения Онегина", "Лебединое озеро", "Спящую красавицу", "Щелкунчика". Считается, что именно в Колоне впервые в Латинской Америке шла практически вся русская оперная классика.

Поднимаемся еще на один этаж подземного царства и попадаем в пастижерный цех, напоминающий лабораторию. Узнав, что я из России, одна из мастериц показывает высокий черный парик с украшениями. В нем наша Елена Образцова пела партию Амнерис. По развешанному по стене фотографиям с автографами узнаю, что к услугам пастижерной Колона прибегали не только известная русская оперная певица, но и Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Майя Плисецкая, Сергей Радченко.

В 1975 году Иосиф Туманов поставил на знаменитой сцене "Бориса Годунова", и основные партии в спектакле исполнили Евгений Нестеренко, Ирина Архипова, Владислав Пьявко. Оркестром дирижировал Одиссей Димитриади. Опера исполнялась на русском языке, и даже аргентинский хор пел на русском! Так усилиями аргентинских и советских музыкантов был построен своеобразный мост между нашими странами.

Листаю в библиотеке пожелтевшие газетные вырезки. Первая половина 70-х годов в Колоне — это годы Майи Плисецкой. В Буэнос-Айресе ее знали и любили, обожали, как говорят поклонники балета.

"Из России с любовью" — так назвала одну из своих рецензий на выступление в Колоне Владимира Васильева столичная газета "Насьон". "Из Буэнос-Айреса с любовью" — так можно было бы назвать и тот прием, который оказали аргентинцы Владимиру Васильеву в его последний приезд в Буэнос-Айрес два года назад. Я беседовал с нашим великим танцовщиком на сцене самого крупного в Буэнос-Айресе концертного зала Луна-парк, когда рабочие монтировали декорации к балету "Трек Зорба", в котором он исполнил главную партию. Все огромное пространство сцены занимало греческое поселение. Белые темные глазницы окон... Васильев ходил по сцене, присматривался к декорациям и, казалось, что именно сейчас над затихшими жилищами взойдет солнце, зазвучит мелодия знаменитого сиртаки Микиса Теодоракиса.

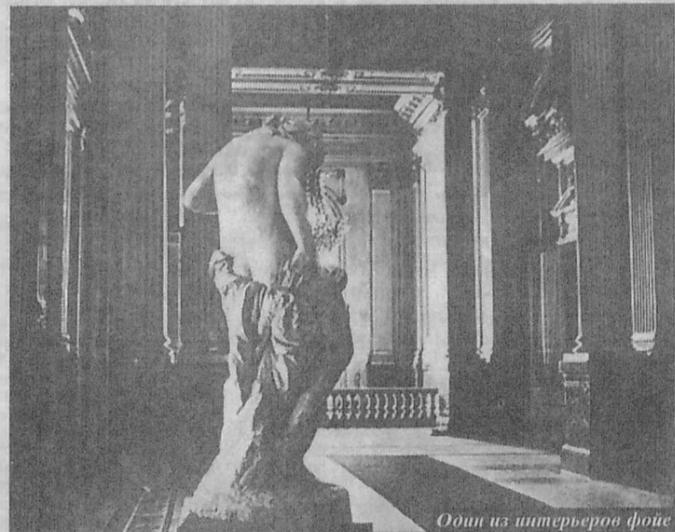
В том интервью на сцене Луна-парка знаменитый танцовщик назвал Буэнос-Айрес своим вторым после Москвы родным городом. В дни представления "Зорбы" городские власти Буэнос-Айреса пригласили российского артиста в мэрию и в торжественной обстановке вручили ему диплом почетного гражданина аргентинской столицы.

В том же интервью он вспомнил, как в 1983 году, в честь 75-летия основания Колона в Буэнос-Айрес пригласили группу балета Большого театра со спектаклем, поставленным Владимиром Васильевым в честь Галины Улановой. В первом акте спектакля в театре Колон Васильев немного изменил его ход. Он уговорил Галину Сергеевну сделать с ним несколько па вальса. И она согласилась танцевать — впервые за 25 лет.

Уланова сделала несколько шагов по сцене, чуть повернула, подняла руки к груди, слегка опустила плечи и повергла аргентинскую публику — че-

тыре тысячи зрителей — в состояние восторга. А когда к ней вышел Васильев и они закружились в вальсе — аплодисменты уже не затихали. Это было самое ответственное начало спектакля. А потом фрагменты различных балетов исполнили лучшие силы Большого театра: Екатерина Максимова, Нина Тимофеева, Нина Семизорова, Алла Михальченко, Ирина Пяткина, мужские партии — Валерий Анисимов, Виктор Барыкин, Алексей Фадеев, Андريس Лиера. Лучшего состава Большой театр в Буэнос-Айрес с тех пор не посылал никогда.

Мы родолжаем путешествие по подземному городку. На третьем этаже расположены пошивочные мастерские. Мастерицы шьют длинные египетские балахоны для предстоящей "Аиды". На готовые костюмы набрасывают полотняные чехлы и укрепляют на передвижных вешалках — в день спектакля их быстро доставят в артистические уборные. Рядом с мастерскими небольшой музей самых лучших образцов одежды, созданных руками мас-

Один из интерьеров фойе

терию театра. Под стеклом бережно хранится, например, богато расшитое сиреневое платье, отделанное золотом, в котором в 1933 году пела в "Тоске" знаменитая итальянская певица Клаудиа Мусео.

Мы с Сильвиной проходим еще несколько подземных переходов и оказываемся в маленьком уютном зале, украшенном белыми колоннами.

— Это "Ротонда дель валье" — круглый зал, самое первое репетиционное помещение, открытое в день рождения театра, — говорит мой гид. И добавляет, что это помещение давно устарело и стало неудобным для репетиций. В последние десятилетия для этих целей построены новые современные залы.

Театр Колон имеет собственный институт искусств, где готовят артистов балета, оперных певцов, музыкантов, декораторов. На каждую постановку приглашают мировых знаменитостей, солистов, а сопровождают их постоянный хор балет, оркестр Колона. Впрочем, и среди "своих" есть знаменитости, например танцовщик Хулио Бокка, которого многие

театры мира почитают за честь приглашать на свои сцены. Вместе с солисткой балета и своей партнершей Ракель Росети Хулио Бокка приезжал в 1985 году в Москву на международный конкурс и получил золотую медаль.

"Ротонда дель валье" в точности копирует основную сцену Колона, и сегодня здесь репетирует филармонический оркестр Буэнос-Айреса. Мы наблюдаем за музыкантами через толстое стекло, не пропускающее звуки, и жалею, что не можем слушать исполняемую музыку. Долго ждем окончания репетиции, чтобы поговорить с дирижером Моше Атсомом. Наконец, музыканты складывают инструменты, и к нам выходит дирижер и сообщает, что оркестр исполнял 9-ю симфонию Дмитрия Шостаковича.

— Проккофьев, Глинка, Рахманинов, Шостакович, Римский-Корсаков всегда присутствуют в репертуаре оркестра, — говорит наш собеседник. — Сейчас мы готовимся к ответственному выступлению с программой, целиком составленной из произведений русских композиторов. Кроме Шостаковича, будем исполнять музыку Прокофьева к кинофильму "Александр Невский" и некоторые кантаты этого композитора. Солировать будут наши скрипачи Сесилия Диас, Эдуардо Аяс и Рикардо Иост...

Всякого, кто попадает в Колон, поражает изысканность его отделки. Первые зрители увидели театр таким, каким видят его посетители и сегодня. Мраморные колонны, прекрасная мебель, античные скульптуры, на стенах — позолоченная лепнина. На всем отчетливо утонченного изысканного вкуса.

Аргентинцы трогательно ухаживают за золотистым мрамором главного входа, привезенным когда-то из Вероны. В фойе выставлены скульптуры великих композиторов прошлого, плафоны холла обрамляют барельефы, ложи и балконы украшены резьбой; все это — дело рук мастеров XIX — начала XX века. Деньг на сооружение и украшение Колона не жалели, ведь в то время экономика Аргентины находилась на подъеме. В Буэ-

нос-Айрес везли со всего света все самое лучшее: мозаику из Венеции, витражи из Парижа, мрамор из Греции, Португалии, Италии, Бельгии. Его лучшие сорта — бежевый, розовый, белоснежный, черный — пошли на отделку стен, карнизов, лестниц, перил. Глядя на великолепный холл и широкие лестницы Колона, трудно отдать предпочтение какому-то одному архитектурному стилю. Восхитительные по рисунку витражи на окнах и под потолками рожают ассоциации с лучшими образцами французского Возрождения. Колонны напоминают об искусстве античной Греции, а внутреннее убранство театра — великолепные дворцы итальянской аристократии.

Зал Колона вместительнее, чем зал Большого театра. Около трех тысяч мест плюс тысяча "стоячих" — на 7-м "этаже" — четыре тысячи зрителей сразу! Малиновые мягкие кресла партера, вышитый золотом занавес тоже тщательно сохраняются. Купол, украшенный гигантской люстрой в семейном лагере, расписан художником Марселем Ямбоном: сверху на зрителях смотрят певицы и певцы, балерины и танцовщики. Все они в красочных костюмах. Все запечатлены в сценах из каких-то спектаклей. В 30-е годы эта огромная картина была повреждена, ее восстановили лишь три десятилетия спустя. Сделал это аргентинский художник Рауль Солди, который выписал материалы и краски из Франции. Он закончил грандиозную работу к 25 мая 1966 года. Этот день торжественно отмечают в театре.

...Наше путешествие заканчивается. Выхожу на улицу Либертад, сажусь на скамейку в уютном скверике, что напротив театра. Отсюда открывается прекрасная вид на Колон. Я вижу, как рабочие снимают афиши, приглашавшие аргентинцев посетить спектакли лондонского Королевского балета, который только что закончил свои гастроли. На месте этих афиш появляются новые — с именами Шостаковича и Прокофьева. У центрального входа появляется группа школьников — очередные экскурсанты.